

не расставался с языческим наузом и сверх того, как повествует «Слово о полку Игореве», был оборотнем, т. е. был князь и волхв вместе, — поздний двойник Олега, недаром и слитый с ним в одно эпическое лицо былинной. Княжить ему, однако, в Киеве не пришлось: при приближении Изяслава с поляками он сам покидает киевлян, и они в полной уже растерянности взывают о помощи к Святославу и Всеволоду, угрожая в случае их отказа, как-раз тем самым, что предсказал им за 5 лет перед тем волхв: «аще ли не хочета, то нам неволя», говорят киевляне: «зажегше град свой, ступим в греческу землю». Оракул волхва и рожденный от волхвованья князь явно противостоят в этом конфликте киевлян с старшими Ярославичами греческим замашкам этих последних; угроза «неволей» «ступить» в греческую землю, т. е. пойти туда в рабство, означала, конечно, предел грекофильской политики Ярославичей.

За бурными событиями 1068—1069 гг. явственно проступают все те же две борющиеся в умах и нравах эпохи культурные силы: полунасильственное огречивание, т. е. бытовая сторона феодализации, и языческая самобытность. Только последняя на этот раз обнаруживается как культ Земли. И он, следовательно, как и культ Рода, вопреки большинству наших мифологов, был в ту эпоху не только уделом бытового или личного суеверия отдельных «невегласов», но и довольно грозной еще общественной силой. Причастность его, как и культа Рода, междукняжеским отношениям тоже, как видно, не подлежит сомнению. Оба культа тесно соприкасались в воззрении и переживании своих адептов. Обличение против верящих в рождение детей землей касается одновременно и их веры в Род. Другие обличения, менее определенно говорящие о Роде, неизменно называют, однако, с ним рядом рожаниц или, как читается в наиболее древних списках памятников, Рожаницу (в единственном числе). Так, «Слово о том, како погани суще языци кланялися идолом», говоря о Роде и Рожанице, последнюю, в ед. числе, прямо приравнивает Артемиде. В этой предшественнице позднейших «рожаниц», Артемиде—Рожанице позволительно поэтому, как жается, признать все ту же мать-землю. «Род» и «Рожаница» наших обличительных памятников будут тогда в точности соответствовать столь же прочно сближенным в самой древнерусской жизни языческим культам Рода и Земли. А если просмотреть затем все те места летописи, где в уста отдельным князьям вложены более или менее устойчивые формулы их обычного права, то и здесь везде мы встретимся с теми же двумя понятиями и даже терминами: род и земля. В частности культ земли с княжеским владетельным правом связан уж был через древнерусское обычное право на землевладение вообще. Обратившая на себя в этом последнем внимании Павлова-Сильванского клятва землей обличается в качестве запретного пережитка язычества уже в том же «Слове како погани суще языци кланялися идолом» (XI в.): «Ов же, дерн воскрушь (выкроенный) на главе покладая, присягу творить». О долгом господстве этого обычая говорят и многочисленные его позднейшие пережитки, собранные Смирновым.³² Языческий культ земли явственно проступает и в некоторых уцелевших чертах собственно княжеского быта и властвованья. У Рюрика Смоленского родился, например, сын, — на пути из Новгорода, в городе Лучине; в крещеньи ему дали «дедне имя Михайло, а княже Ростислав, дедне же имя»; что означало присвоение дедного имени — мы уж отчасти знаем; но мало этого: там, где княгиню застали роды, «поставиша на том месте церковь святого Михаила, где ся родил». Почему непременно «на том месте», а не где-нибудь рядом, — что

³² См.: С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 275.